

*Эта статья опубликована в журнале «Теоретическая Экономика», том 110 № 2 (2024),
<http://theoreticaleconomy.ru/index.php/tor/issue/view/39/39>,
в искаженном виде. Редактор произвольно, без согласования с автором,
удалил фрагмент текста из «Заключения», тем самым обесмыслив эту
часть статьи, и проигнорировав все шрифтовые выделения. Здесь она
публикуется в авторской редакции.*

Мерцалов В.Л.

Собственность vs налог

Введение.

Неотвратимость будущего – это неотвратимость перемен, неотвратимость пересмотра привычных убеждений.

Одно из них отчеканено в афоризме, приписываемому Б.Франклину: «Налоги неизбежны как смерть». Между тем, если подойти к вопросу о налогах с позиции материалистического воззрения на процесс развития общества, в его экономической эволюции обнаруживается перспектива, никак не учитываемая ни в теоретических исследованиях, ни в государственных программных документах – неизбежность смерти самих налогов. Не директивное их упразднение, а естественное отмирание вследствие перехода на иную, более эффективную систему финансирования бюджета.

Налог и собственность.

Любой доход гражданина, домохозяйства, любой фирмы, независимо от ее размера, словом, любого физического или юридического лица, становится его собственностью лишь после уплаты налогов. Любой доход, а следовательно, в конечном счете – все его имущество. Платеж налога является, таким образом, *процедурой легализации собственности*. Не заплатив его, можно лишиться и дохода, и всего состояния. В итоге весь национальный продукт, произведенный обществом, становится собственностью общества в лице тех или иных субъектов только после уплаты налогов. Тем самым и национальное богатство страны, о котором принято говорить, что оно «принадлежит народу», достается ему только после того, как народ рассчитается с государством.

Но, разумеется, обществу достается не весь «пирог» национального продукта. Фискальная – основная – функция налоговой системы в том как раз

и заключается, чтобы разделить этот «пирог» на две части: на ту, которую государство предназначает для потребления обществом, и ту, которая остается в пользовании государства для финансирования всех его служб и проектов. Подчеркнем: это разделение совершается отнюдь не обществом, а государством. При этом под государством в данном случае имеется в виду не страна, а совокупность институтов власти – представительной, исполнительной и судебной, образующих государственный аппарат, то есть, ограниченная, организованная и структурированная группа чиновников. Именно этот аппарат делит национальный «пирог», делит по собственной воле, сообразно своим представлениям о нуждах общества и целесообразности порядка потребления «пирога». Делит, не спрашивая общество. Не спрашивая вовсе не из пренебрежения к нему, а потому, что нет эффективного механизма такого опрашивания. Таким образом, налоговая система выступает как *механизм распределения национального продукта между государством и обществом, находящийся в руках государства.*

Но и та часть продукта, которую общество, создавшее его, покупает у государства ценой уплаты налогов, и которая будто бы после ее оплаты делается его собственностью, не оставляется государством без внимания. Она, в ее денежном выражении, подлежит дополнительному распределению между разными категориями населения. И эту – распределительную – функцию налоговой системы вновь реализует государство, демонстрируя свое господство в определении размеров доходов и состояний тех или иных лиц или социальных групп, т.е. свое право залезать в карман любого гражданина и любой фирмы на всю глубину его кармана. При этом постоянно совершая «налоговые маневры»: кому-то сегодня предоставит налоговые преференции (отраслевые или территориальные), сделав его завтра богаче, кому-то повысит ставки (скажем, с 13 до 15%), сделав беднее. Кто хозяин денег в этом кармане, кто их собственник?

Право распределения собственности принадлежит собственнику. И в нашем случае это не общество. Исполнение роли собственника, как видим, берет на себя государство. Но по многим причинам и оно не может быть действительным собственником! Оно даже не имеет юридического лица. Оно безлико, лишено каких-либо собственных потребностей (кроме потребностей частных лиц, образующих состав госаппарата). Потребности, ради удовлетворения которых оно существует, суть потребности общества, которому оно обязано служить. Но если исключить и его, тогда кого же можно назвать собственником?

Это, конечно, обескураживающее обстоятельство, но это факт. Давайте констатируем его и назовем вещи своими именами. *У нас в стране нет собственников. Нет института собственности!* У общества есть деньги, остающиеся у него после уплаты налогов. Будто деньги ребенка, данные отцом на мороженное, и контролируемые отцом. Деньги на пользование, но не в собственность. Но даже и это сравнение слабовато. На самом деле картина такова, как если бы это ребенок давал отцу деньги, заработанные отцом.

Таково практическое положение дел. Подчеркнем: нарисованная картина отнюдь не является плодом теоретизирования. Она просто отражает ту реальность, в которой существует наша экономика. «Ты создал какой-то продукт, но, чтобы стать его собственником, ты должен заплатить налог, причем, за отказ платить тебе может грозить наказание. Иными словами, ты в обязательном порядке должен купить право собственности на свой продукт у государства по цене, которую назначает само государство. Эти деньги частью пойдут в казну, а частью – в пользу тех, кто либо произвел гораздо меньше тебя, либо по тем или иным причинам не произвел вообще ничего. Что останется – тем и пользуйся, пока государство не пересмотрит свои расценки. Пользуйся как законный собственник своего продукта, точнее, того, что от него тебе перепадет». Такова объективная реальность без каких-либо ее модальных оценок.

А что на этот счет говорит экономическая теория?

Давайте вспомним определение собственности.

Во-первых, как мы знаем, это не вещь, а отношение людей по поводу вещей. Или каких-то иных благ. Во-вторых, это отношение объективно, или, как говорил К. Маркс, материально, т.е. не создается людьми и не зависит от их воли.

На это обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо, судя по литературе, далеко не все авторы его отчетливо сознают. «В общественном производстве своей жизни, – писал К. Маркс, – люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения... Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [1, с. 6-7]. Эти производственные отношения он, подчеркивая их объективную природу, именовал «материальными», а их юридическое выражение, поскольку оно декларируется в форме закона людьми, – «волевым» определением собственности. Так, едва ли не главную ошибку П. Прудона он видел в том, что тот не умел отличать собственность как объективное, не зависящее от воли людей производственное отношение от собственности как отношения юридического, созданного по воле людей: «На вопрос: что она (собственность – В.М.) такое? — можно было ответить только критическим анализом *«политической экономии»*, охватывающей, совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых* отношений, а в их *реальной* форме, то есть как *производственных отношений*» [2, с. 26]. Таким образом, согласно классическому учению, собственность как отношение, регламентированное законом, «есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [3, с. 94]. Различая базис и надстройку, в частности, экономическое отношение собственности и его юридическое выражение, следует отчетливо сознавать их разницу, сознавать тот факт, что первое является объективным, не зависящим

от воли людей. Оно объективно в том же смысле, как и закон Паскаля для жидкостей и газов. Только собственность – закон для людей. Именно поэтому она служит базисом общества, тем надежным основанием, на котором строится вся конструкция общественных отношений, в том числе учреждаемых людьми. А коль она объективна, то ее не может не быть. Так же, как не может не быть закона Паскаля.

В-третьих, природным назначением этого отношения является определение субъекта потребления объекта собственности за счет его отличия от других субъектов. А на него указывает сам объект собственности, указывает своим происхождением. Кто его создал, тот именно этим и отличается от остальных субъектов, тот и есть его собственник. Других объективных признаков, отличающих собственника от несобственника, в природе не существует.

Таким образом, с точки зрения классической теории, собственность – это *не зависящее от людей общественное отношение*, источником которого, как и источником объекта собственности, служит *труд*, индивидуальный или коллективный.

Но тут возникает тот же вопрос. Ведь в реальности, при дележе национального пирога, источником собственности, как мы видели, выступает у нас вовсе не труд, а *воля государства*. Ее при желании можно считать источником чего угодно, но только не собственности. По определению. Повторим: по определению источником объективного отношения не может быть воля людей. Этим источником может служить только нечто столь же объективное, материальное. Таким «нечто» в данном случае является только реальный труд реального субъекта, воплощающийся, «кристаллизующийся» в реальном объекте. Только труд, но вовсе не чья-либо воля! Воля не создает объективного отношения, она в принципе не создает и не может создать собственности! В итоге мы вновь получаем тот же вывод, но теперь уже с позиции теории: *мы живем в обществе, в котором нет собственности*. Нет как таковой, ни с какой точки зрения. У нас в стране (впрочем, и вообще нигде) нет института собственности. Можно декларировать сколько угодно законов о собственности, но если они не будут опираться на экономическое отношение собственности, если содержание этих «волевых» продуктов человеческого сознания будет определяться *представлениями людей* о собственности, а не воспроизводить в себе содержания безразличного к представлениям людей *материального отношения* собственности, весь их свод на самом деле явится не более чем юридической фантазией, но вовсе не *институтом собственности*. Точнее, даже не фантазией, а «карикатурой» на действительную собственность [4].

Таково реальное положение вещей. Это не публицистическое преувеличение, а вывод, имеющий и практическое, и теоретическое подтверждение, вывод, представляющий собой едва ли не самый актуальный предмет научного осмысления. Если мы хотим всерьез говорить о проблемах экономики и общества, то надо исходить из этой реальности, надо иметь мужество признать ее.

Впрочем, этот вывод следует уточнить. Коль скоро собственность – отношение объективное, ее не может не быть. И она, конечно же, есть. Она циркулирует в хозяйственном обороте, но – вне нормативного пространства, в котором этот оборот регламентируется государством. А что же есть в этом пространстве? Не может же быть, чтобы вся нормативная конструкция экономики лишилась базиса, чтобы весь уклад гражданского общества, включая и его политическую систему, и всю юридическую надстройку, повис в воздухе, утратив опору.

Как уже сказано, то, что у нас принято именовать «собственностью», имеет своим источником волю государства. Эта воля не создает собственности. Она выражается в форме законов и создает *право*. В нашем случае – *право собственности*. Вот оно и кладется в основание общественного устройства, оно и заменяет *отношение собственности*. Получается, что идеологическое право подменяет материальный базис. Вся конструкция общественного мироздания за счет налогов оказывается перевернутой с ног на голову.

Право по своему предназначению есть осмысление и оглашение в нормативной форме тех правил общественного бытия, которые диктуются обществу самой его природой. Если право отвечает этим условиям, оно обеспечивает полноценное развитие общества и ограждает его от следования противоестественным правилам, которые препятствовали бы его развитию. В марксизме такая ситуация именуется как «соответствие надстройки своему базису». Но право все же декларируется людьми и его формулировки зависят от многих обстоятельств, не только от того, насколько правильно истолковываются людьми требования общественной природы, но и от обстоятельств привходящих, сиюминутных, конъюнктурных. Право – это все же субъективное отражение объективного порядка вещей. Это то, что исходит не от природы непосредственно, а от преломления требований человеческого естества в человеческом сознании. Поэтому оно может и расходиться с этими требованиями. Однако, отвечает ли право естественному порядку вещей или расходится с ним, *течение общественной жизни во всякий данный момент регулируется именно правом*. Каждый обязан соблюдать оглашенный закон, независимо от того, согласуется ли он с природой человека или нет. В природе человека – быть свободным и быть собственником. Но человеку приходится подчиняться закону и тогда, когда он лишает человека и того, и другого.

Можно ли организовать общество на основе права собственности, неверно истолковывающего отношение собственности? Как видим, можно. Во всяком случае, на какое-то время. В истории немало примеров неверного истолкования явлений природы, неверных теорий, достаточно долгое время служивших практической деятельности и обеспечивших немалые достижения в ней. Например, птолемея система мироустройства («Альмагест»). Алхимия с ее теплородом, флогистоном и философским камнем. То же и с представлением о собственности – с правом собственности, – допускающим налогообложение и поэтому расходящимся с природным отношением собственности.

Обратим внимание вот на какое обстоятельство. Собственность, как материальное отношение, может быть и законной, и незаконной. Незаконная собственность достаточно широко присутствует в гражданском обороте любой страны, внося свой вклад в рост благосостояния общества. При этом она делима: конечный цельный продукт, созданный трудом нескольких лиц, может быть поделен в его денежном выражении между этими лицами пропорционально их участию в его производстве. А вот право собственности, хотя бы это право противоречило материальному отношению, незаконным быть не может. Оно, при соблюдении процедуры его приобретения, законно всегда, независимо от своего содержания. И оно неделимо: право собственности у данного лица либо есть, либо его нет. Однако ему присуща другая оценка, совершенно, казалось бы, не экономического порядка. Оно может быть справедливым и несправедливым. Понятие справедливости вообще выглядит слишком субъективным, неопределенным, скорее эмоциональным, нежели рациональным, чтобы его можно было использовать в качестве убедительного аргумента. Но в некоторых случаях его можно определить достаточно корректно и отчетливо. *Справедливо совпадение действительного с должным.* И если «должное» имеет объективный характер – как в нашем случае, когда «должным» выступает объективное отношение собственности, а действительным – право собственности, – то различие между справедливым и несправедливым делается абсолютным. Отсюда следует, что *право собственности является справедливым только тогда, когда им наделяется создатель (индивидуальный или коллективный) объекта собственности.* А правовой институт собственности справедлив только тогда, когда является отражением объективного отношения собственности. То есть, когда надстроечное право собственности опирается на базисное общественное отношение. Таким – справедливым – это право признавалось во все времена во всех концах света. Таким оно повсюду признается и в наши дни. В то же время, право собственности, хотя бы оно и декларировалось государством, хотя бы и являлось безукоризненно законным, никогда и нигде не признавалось справедливым, если опиралось лишь на волю государства, а не на труд творца объекта собственности.

Пожалуй, наиболее выразительным примером законного, но несправедливого в указанном смысле применения права собственности может служить в нашей стране история приватизации девяностых годов. Будто в насмешку авторы ее идеологии, заявлявшие своей целью «покончить с марксизмом в экономике», положили в ее основание как раз марксистский тезис о приоритете собственности на средства производства над собственностью на любые другие объекты. И занялись приобретением этих «средств», легализуя свою деятельность изданием нужных им законов. Им не хватило ума понять, что главным, определяющим объектом собственности во все времена и при любом экономическом укладе является *труд* в его процессе и результате. Труд, но вовсе не средства, используемые при его совершении. И что тот способ приватизации, который не повлек бы катастрофических последствий в экономике и не вызывал бы негодования в обществе, должен

был бы опираться как раз на идею приватизации *труда*. Это был бы более долгий, но справедливый процесс создания прочного нового экономического порядка.

Нетрудно понять, кстати, что право собственности, основанное на воле государства, а не на объективном отношении собственности, лежит в основании и всей мировой экономической системы, следовательно, всех видов и сортов несправедливости, свойственной ей, в частности, в основании практики колониального ограбления одних стран другими, в основании экономических кризисов и войн, сопровождающих всю историю мировой экономики.

Итогом этих соображений является вывод, сводящийся к следующему. Собственность может быть законной и незаконной. Использование в хозяйственном обороте и той, и другой служит подъему уровня общественного благосостояния. Право собственности законно всегда, но может быть справедливым и несправедливым. Эти понятия вполне определяемы корректным образом. При этом, если справедливое право способствует экономическому процветанию общества, то несправедливое губительно для него. К сожалению, в нашей стране, как и во всех остальных, право собственности, вследствие легитимности налоговой системы, является заведомо несправедливым.

Впрочем, налоговая система, хотя с теоретической точки зрения и является конструкцией столь же несостоятельной, как и «Альмагест», все же, как и «Альмагест», немало послужила на благо людям. Однако ее ждет судьба всякого ошибочного представления. Строить общество на праве собственности, противоречащему закону собственности – все равно что строить паровой двигатель, неверно формулируя закон Паскаля. Такой двигатель, возможно, какое-то время и будет пыхтеть, но, если не взорвется, его мощность заведомо будет гораздо меньшей, чем могла бы быть при верном отражении в его конструкции законов природы. Современное общество как раз и представляет собой аналог такого двигателя. Двигателя, сконструированного по нормативам *права* собственности, расходящимися с требованиями естественного *отношения* собственности. Чтобы устранить это расхождение, необходимо вернуть человеку статус полноценного собственника, а значит, избавиться от налоговой системы.

Конечно, в приведенных суждениях, в сущности, не содержится ничего нового. Общепринятое в теории представление на этот счет заключается в том, что «посредством налога правительство отнимает собственность в самом узком смысле слова, так что в конце концов берет себе в собственность и владение то, что прежде находилось в частных руках... Налогообложение является очевидным изъятием частной собственности» [5, с. 100].

Всякий, даже далекий от экономической науки, человек хорошо понимает, и что такое собственность, и что такое налог. Достаточно обладать здравым смыслом. Всякому очевидно, что если из двух субъектов, А и Б, субъект А может в принудительном порядке изымать какую-то долю имущества Б, причем, какую именно – решает сам субъект А, и он же диктует

субъекту Б сроки и порядок этого изъятия, к тому же если такая практика обществом признается законной, то действительным собственником имущества Б – всего имущества, без остатка – является субъект А. В этих условиях назвать собственником субъекта Б – значит погрешить против здравого смысла, против истины. Вот такой грех и совершает вся наша экономическая и юридическая наука. Будто слепая, она не видит никакой проблемы в том, чтобы признавать собственником не действительного собственника, не того, кого наделяет атрибутом собственника сама природа, а того, кого назначает быть собственником государство. Эта проблема в ней вообще не обсуждается, о ней не принято говорить. Хотя она известна столетия, с античных времен. Почему она замалчивается? Потому, что признать истину – значит утратить почву под ногами. На собственности держится весь общественный строй. Это базисное отношение. А наша экономическая наука разводит руками: что тут поделать? Так уж сложилось! Да, реальная картина – зрелище неприятное, раздражающее, но лучшей реальности у нас нет. Поэтому давайте закроем глаза на эту проблему и сделаем вид, что ее нет. Займемся привычными академическими перверсиями, позволяющими все что угодно объяснить, тем самым и оправдать. Другая причина: налоги – решение скверное. Это как есть. Но для финансирования государства у нас нет другого механизма. Отказаться от налогов – значит отказаться от государства. А это сулит обществу гораздо большие бедствия, чем те, которые создаются налогами, сулит полный распад. Ничего лучше налогов мы не придумали. Поэтому и терпим их.

А почему не придумали? Не оттого ли, что никто и не пытался подумать об этом? Налогами недовольны все, но нет следов серьезного поиска безналогового способа финансирования государства.

Так все же, можно ли предложить иной механизм государственного кормления и какой именно?

Ответ лежит на поверхности. Речь идет о деньгах. Следовательно, ответ нужно искать в сфере предпринимательства. И он очевиден.

Механизм безналогового финансирования бюджета.

Для чего предприниматель начинает свое дело? Для получения прибыли. Но это цель. А потребность? В чем его основная потребность? *В гарантировании получения этой прибыли.* Он начинает работать, рассчитывая на нее, но сам не может гарантировать себе ее получение. Потребность в такой гарантии есть у каждого предпринимателя, независимо от размеров его бизнеса. Так почему бы государству не ответить на эту потребность? Вот есть спрос, спрос на такую гарантию. Спрос чрезвычайно высокий. Почему бы в ответ на него не создать соответствующее предложение? Ведь никто, кроме государства, этого сделать не может. Частично эту нишу заполняют страховые компании, но их возможности весьма ограничены. Государство могло бы взять на себя полноценное страховое попечение над всей предпринимательской деятельностью в обществе.

Одним из решений этой задачи, вероятно, может быть введение в практику хозяйствования взамен налоговой системы механизма *государственного гарантирования безубыточности добросовестного гражданского оборота*.

Суть его проста. Заключая законную сделку, любой предприниматель получает возможность застраховать предусмотренную по ней прибыль на случай недобросовестности партнера. Если партнер нарушит условия контракта, то предприниматель получит возмещение в денежном выражении, равное предусмотренной контрактом прибыли, из казны, одновременно передав в порядке цессии государству в лице его специального органа свои права по сделке. Средства в виде платежей за приобретение такой страховки как раз и заменят налоговые поступления. Они и наполнят бюджет. Разумеется, страхование такого рода будет делом совершенно добровольным, не нарушающим право собственности предпринимателя.

У людей, впервые знакомящимися с этим предложением, сразу возникает множество вопросов. Вот некоторые из них.

«А где же государство возьмет столько денег, чтобы выплатить всем предпринимателям, пострадавшим от недобросовестности контрагента?» Это очевидное, но совершенно напрасное опасение. На практике при грамотном подходе к делу такие выплаты *не будут стоить государству ни копейки*. Особенность этой модели страхования состоит в том, что если при страховании, например, от пожара, выплаты погорельцу производятся за счет средств, внесенных теми, у кого по счастью пожара не случилось, то в нашем случае всегда есть ответчик, виновный в создании страховой ситуации – недобросовестный партнер. К пожару претензий предъявить невозможно, а недобросовестного предпринимателя вполне можно взять на прицел и истребовать от него не только всю сумму, которую государство должно выплатить пострадавшему предпринимателю, но и штраф за недобросовестность, и издержки по истребованию долга. Таким образом свои страховые выплаты государство сможет возместить с лихвой. На это, конечно, потребуется время, но ведь и с самого начала государство может совершать свои выплаты не живыми деньгами, а долговыми обязательствами со сроком погашения, соответствующим сроку, необходимому для взыскания долга с провинившейся стороны. А если пострадавшему предпринимателю нужны будут именно живые деньги, эти ценные бумаги он сможет продать на фондовой площадке, которая неизбежно возникнет, едва начнется их эмиссия. Так что свою прибыль он гарантированно получит, причем, за счет как раз виновного партнера, а не государства. А его страховой платеж без изъятия пойдет в казну как платеж за приобретенный им продукт – эту самую гарантию.

А вот у недобросовестного предпринимателя возникнут серьезные проблемы. Он вдруг окажется стороной по сделке не с прежним партнером, а с государством. Уклониться от исполнения обязательств перед государством ему не удастся уже хотя бы потому, что государство – сторона, обладающая законотворческими возможностями. Оно может взять его в клещи: свои

требования к предпринимателю оно может формулировать в виде закона или иных нормативных предписаний. Тут уж никакие хитрости не помогут. Ему придется заплатить государству, причем, неотвратно и существенно больше, чем это изначально предполагалось сделкой. Плюс понести иные потери, в том числе репутационные. Сознвая это, станет ли предприниматель жульничать, даже если это жульничество будет сулить ему дополнительную выгоду? Едва ли. Скорее, он даже пойдет на некоторые убытки, лишь бы исполнить все свои обязательства перед партнером. Такая ситуация выглядит сказочно! Предприниматель окажется стороной сделки, которая больше заботится о благополучии своего контрагента, чем о своем! Видано ли такое в современной экономике? А ведь на самом деле это просто норма деловых отношений. Норма, считавшаяся общим правилом, скажем, в среде русского купечества. Вошедшая даже в пословицу: «Не давши слово, крепись, а давши – держись». А это ведь и есть оптимальный вариант делового партнерства. Можно сказать, что это есть вариант возвращения к «традиционным ценностям» предпринимательства. В итоге обе стороны сделки в равной степени и весьма энергично будут стремиться к ее завершению в оговоренный срок и в полном объеме, стремиться, как к собственной выгоде, к тому, чтобы партнер получил свою прибыль. Кстати, тогда и количество неисполненных контрактов резко сократится, а значит, сократится и число страховых случаев, предусматривающих казенные выплаты. Сохранится лишь поток платежей по страховке.

Другой вопрос: а станут ли предприниматели покупать эту страховку?

Конечно, не предложив ее – не узнаем. Но по общему правилу *люди всегда платят за то, что им нужно*. Если им нужен хлеб – они идут в магазин. Идут не потому, что их к этому кто-то принуждает, а потому, что хлеб нужен им самим. При этом никому не придет в голову, что кто-то обязан предоставить им этот хлеб бесплатно. Он тебе нужен – ты плати и бери. Не платишь – останешься без хлеба. А разве *гарантия* получения прибыли не является в бизнесе потребностью едва ли не столь же острой, как потребность в хлебе? Без хлеба человек умрет, но и без прибыли умрет его предприятие. Чтобы оно выжило, он должен себе ее гарантировать. А значит, как и за хлеб, ему надо будет заплатить за эту гарантию.

Есть множество и других вопросов, связанных с высказанной идеей, например, о цене страховки. Но она при грамотной реализации данной модели будет устанавливаться не государством, а обществом в ходе выборов главы государства, и поэтому никак не сможет быть выше, чем совокупная цена современных налоговых платежей. То есть страховая система для предпринимателя будет заведомо соблазнительней, чем налоговая.

Теперь обратим внимание на то, что возрождение института собственности на основе приведения права собственности в соответствие с базовым общественным отношением, повлечет не менее, даже более радикальные перемены во всех надстроечных институтах общества. Прежде всего в его политической конструкции.

Налог и государство.

Налоговая система — это не только механизм финансирования государства. *Это механизм материальной власти государства над обществом.* Лишившись его, государство лишится не денег, а власти. Власти во всех ее проявлениях, не только экономической, но, в частности, и политической, и информационной власти над своими гражданами.

Казалось бы, такая перспектива выглядит угрожающей. Ведь государство во всех источниках определяется как «институт власти». Поэтому упразднение института государственной власти представляется в глазах многих как упразднение самого института государства. Но и это опасение ошибочно. На самом деле угрозу несет как раз сохранение этой власти.

Третья статья Конституции гласит: «...источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Источником власти над кем? Над этим самым народом, над самим собой. Получается, что, руководствуясь этим законом, мы сами, своими руками, отдаем власть над собой в чужие руки. Нас никто не лишает свободы со стороны, мы сами отказываемся от нее. Разве это не унижительное, не оскорбительное правило?

Материальная власть государства универсальна и проявляется прежде всего во власти даже не над кошельками, а над умами людей. Благодаря ей государство посредством программ образования, СМИ, пропаганды, цензуры и прочих инструментов диктует обществу ту идеологию, тот образ мыслей, создает в нем те настроения, которые считает нужным. Результаты этого известны из недавней истории (Камбоджа времен Пол Пота, Китай времен «культурной революции»), на наших глазах свою власть над народом демонстрирует государство Украины. И западный мир своей деградацией тоже обязан именно ей. Наши политики призывают различать правительства стран и их народы. Но никак не умеют объяснить, за счет чего образуется это различие. Ведь правительства избираются народом, в большинстве добродушным, миролюбивым народом, не желающим враждовать с народами других стран, и правительства, казалось бы, должны были бы отражать настроения и чаяния своих народов. Но этого не происходит как раз потому, что не народы господствуют над правительствами, а правительства — над своими народами. Люди избирают своих правителей вовсе не для того, чтобы правители властвовали над ними. Как раз наоборот: люди хотят быть свободными и новых правителей избирают, когда те обещают им еще больше свободы. Выборы — это для народа процедура реализации своей мечты о свободе. Но, как писал В. Ленин, имея в виду властное государство: «Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы» [6, с. 95]. Всякий выбранный правитель получает в свои руки инструмент универсальной власти над народом — материальную власть, обеспечиваемую принудительной налоговой системой. После чего лицо страны делается лицом этого правителя, а не народа. Хорошо, если эти лица оказываются схожи. Но чаще происходит иное. Обретя власть, правитель избавляется от обязанности служения, отчего

его физиономия меняется до неузнаваемости. И в итоге по всему миру начинают тлеть очаги войн и разгораются вооруженные конфликты, растет напряженность в межгосударственных отношениях, мир оказывается на пороге ядерного апокалипсиса. Хотят ли этого народы? Разумеется, нет. Но это происходит и человечество само себя ставит на грань самоубийства.

Вот ведь какая удивительная зависимость: наличие налоговой системы во всех странах мира создает угрозу самоуничтожения человечества. *Вот в чем настоящая угроза, исходящая от налоговой системы, питающей материальную власть государства над народом!*

Для иллюстрации последнего утверждения представим себе муравейник. Если в уклад муравейника окажется внесено неверное правило, противоречащее природе самого муравейника, то возможны лишь два исхода. Либо муравейник, пережив какие-то невзгоды, бедствия, преодолеет это правило, откажется следовать ему и вернется к естественному укладу жизни, либо погибнет. Так и с человечеством. Право собственности, оторванное от отношения собственности, сделавшееся независимым от него и поэтому легитимирующее налоговую систему – это и есть неверное правило в архитектуре его организации. Оно – источник и экономических, и политических, и мировоззренческих, и даже религиозных кризисов, переживаемых человечеством. «Нам будет представляться самоочевидным, – писал Ч. Адамс во «введении» своей книги, – что в большинстве великих исторических явлений и событий – таких, как процветание и упадок наций, восстания и революции, свобода и рабство и, прежде всего, войны – налоговый фактор сыграл важную роль, которая легко ускользает из вида на драматическом фоне этих великих явлений» [7, с. 12]. По мере роста воли народов к свободе, под гнетом налоговой системы, накал этих кризисов может только расти. Отсюда и вывод: либо человечество обречено, либо обречена налоговая система.

Но безвластное государство – как его себе представить? Нужно ли оно будет в таком качестве обществу? Сможет ли оно исполнять свои обязанности перед ним?

Тот, кто пребывает в шорах нашей политологии, скорее всего решит, что сама мысль об этом является не более чем безрассудной утопией. Но на самом деле ответ заключается в том, что не просто сможет, но *только тогда и сможет*. Непонимание этого происходит от смешения понятий «сильное государство» и «властное государство». Государство – это своеобразное учреждение, создаваемое и финансируемое обществом для решения ряда жизненно важных для общества задач. Таких, например, как защита национального суверенитета, личной безопасности и собственности граждан, создание системы образования и службы здравоохранения, доступных каждому, и т.д. Понятно, что с этой точки зрения понятие «сильное» является характеристикой такого государства, которое способно эффективно эти задачи решать. Всякое общество хочет иметь сильное государство. А как этого добиться? Отдать государству власть над собой? Но это все равно, как если бы хозяин поместья нанял слугу для управления своим хозяйством, а чтобы тот

лучше справлялся с этой задачей, отдал бы ему в собственность все свое имущество, а с ним и власть над собой. Разумный, честный, добросовестный слуга, может быть, и поднял бы хозяйство. Но это в случае, если хозяину повезет. Так и с государством. Есть только один способ сделать государство сильным – *заставить* его быть таковым. Но для этого *общество* должно иметь власть над ним. В этом нет ничего экзотического. Государство по своему естественному назначению – учреждение *служебное*. Не общество для государства, а государство для общества. Сколько можно путаться в выражениях, именуя чиновников, сидящих во «властных кабинетах», возглавляющих «органы власти» - «слугами народа»! Тут ведь либо-либо: либо властвование, либо служение. Одно исключает другое. Государство должно *служить* народу. Роль народа – быть *носителем* власти над исполняющей его волю организацией, но вовсе не *источником* власти этой организации над собой. Правда, приводные ремни, *процедуры*, обеспечивающие подчинение государства воле народа, нам еще долго предстоит создавать. Пока их нет. Пока властвует государство, в них нет нужды и им неоткуда взяться. По-настоящему народ обретет власть над государством, когда выработает приемы, позволяющие диктовать ему свою волю в форме закона. Парламент этому условию отвечает лишь в ничтожной степени, а других процедур реализации воли общества в нормативной сфере пока нет. Их создание – это и есть часть картины будущего.

Между прочим, как назвать общественный строй, при котором власть в стране принадлежит народу? По-русски – народовластие. По-гречески – демократия. С этим словом связано немало споров и путаницы. Чего только, какого только мусора не нанесли под него, как под гоголевский забор. Вот некий француз, Жан-Поль Ганьон, насчитал в своем каталоге более 2 тысяч дескрипторов демократии, т.е. понятий, идентифицирующих ее разновидности [8, pp. 92-113]. И оговорил, что это только малая их часть. Может быть, хватит, может быть пора прекратить и самим заниматься пустой болтовней на этот счет, и тем более слушать западных экспертов-недоумков, не имеющих ни малейшего представления о демократии, и столько же сведущих в ней политиков, в общении с другими странами превративших это слово в кистень. Всем, кто берется рассуждать о демократии, хотелось бы напомнить пожелание Л.Н. Толстого: ««Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розги» [9, с. 438]. А ведь определить демократию совсем не сложно. *Демократия есть форма общественного устройства в отсутствие государственной власти над обществом*. Все! Ее главный признак – отсутствие налоговой системы как механизма материальной власти государства над своими гражданами. *Там, где есть налоговая система – там нет демократии*. Нет по определению. Нет на корню. Есть то, что правильнее назвать этакратией. Если угодно, более привычно, – бюрократией, режимом властвования чиновника. Именно бюрократический общественный строй – где-то более, где-то менее

бездушный – царит сегодня во всем мире. Его господство мы и ощущаем на своих боках.

Что в условиях современной реальности сулит нам будущее?

Главное событие, которое нас ожидает в обозримой перспективе – если не апокалипсис, то отмирание налоговой системы за счет замещения ее системой принудительного финансирования бюджета. Не обязательно такой, о которой говорилось выше. Возможно, будет предложена и лучшая. Главное, чтобы ее механизм не противоречил объективному отношению собственности, не содержал в себе никаких средств принуждения собственника. Такая перемена позволит вернуть содержание *права* собственности в гармонию с содержанием объективного *отношения* собственности, утвердить в обществе полноценный институт собственности и на нем, как на прочном материальном основании, построить демократическое общество. Сейчас можно только предполагать, как это будет происходить. Процедур и организационных форм народовластия, подчинения государства народу, повторю, ни у нас, ни у кого еще нет. А копировать те, что известны в истории разных народов – афинскую агору, новгородское вече, – конечно, уже не получится. Но так или иначе общественный уклад изменится до неузнаваемости. Будущее общество – это царство, в котором не будет налогов, в котором государство будет в распоряжении общества, а не наоборот, в котором общество будет располагать сильным государством именно потому, что это государство станет безвластным.

Впрочем, что можно сказать о будущем наверняка? Во-первых, если и есть что-то совершенно неотвратимое в настоящем, то это будущее. Оно наступит независимо от наших желаний и как бы мы ему ни сопротивлялись. И, во-вторых, оно потому и будет будущим, что будет отличаться от настоящего. Оно будет иным. Прав Экклесиаст в наставлении: «Что было, то и будет» [10, с. 618]. Но лишь в том смысле, в каком был прав и Гераклит, утверждая: «В ту же реку вступаем и не вступаем» [11, с. 276]. Как прежде менялось настоящее, перетекая в будущее, так перетечет и нынешнее – неизменна лишь изменчивость. И если мы хотим попасть в будущее, то нам не надо держаться за все те взгляды, которые нам привычны в настоящем. От многих убеждений и догм придется отказаться. Так было всегда, так всегда и будет.

Человечество взрослеет, оставаясь пока еще подростком, но, как и подросток, взрослеет, набираясь духа свободы. И на этом пути неизбежно избавляясь от всех и всяких форм принуждения – классового, колониального, теперь – налогового и государственного.

Заключение.

У регулярной налоговой практики всегда было немало критиков, и не только среди экономистов-теоретиков. Точнее, у нее, пожалуй, никогда и ни в каком обществе не было друзей. Как отмечал Р. Пайпс: «История, таким образом, свидетельствует, что в период, простирающийся от классической античности до двадцатого века, постоянное (в отличие от связанного с

чрезвычайными обстоятельствами) налогообложение считалось в западном мире незаконным, если только речь не шла об обложении данью покоренных народов; платить налог правителям своей страны означало нести на себе клеймо социальной приниженности» [12, с. 308]. (Это, заметим, слышится и в звучании слова «подданный»). Но и в двадцатом веке ситуация едва ли изменилась. Экономическая теория осталась верна прежней традиции: о налогах либо ничего, либо ничего хорошего. Так, «враг государства», М. Ротбард, насылая на государство проклятия, именно в налоге видит причину, определяющую его «паразитическую сущность»: «Другими словами, Государство организовано системным воровством, организованным ограблением, организованной эксплуатацией. И этот существенный характер Государства в высшей степени определяется тем фактом, что Государство в своем обеспечении опирается в основном на налогообложение» [13, с. 16]. Говорящее название дал одной из своих работ Ф. Ходоров: «Налог: корень зла». Взяв в качестве образца прямого налога подоходный, он констатирует: «Таким образом, подоходный налог — это не просто налог, но еще и инструмент общественного разрушения» [14, с. 49].

То, что налоги никому не нравятся — вполне естественно. Но из этого вовсе не следует, что их нужно отменить. Оказаться на морозе в легкой одежде тоже неприятно, но это не повод требовать отмены зимы. Вывод о необходимости отказа от налогов нужно доказывать, а само по себе недовольство ими не обладает доказательной силой. Но необходимого доказательства в литературе, возмущающейся налогами, нет. И это тоже понятно. Всем «врагам налогов» присуща убежденность в том, что налог есть признак государственности. Они исходят из того, что государство существует как раз благодаря налогам, поэтому как бы налог ни был плох, к каким бы скверным последствиям ни приводило его применение, никто из них, кроме анархистов, не заходит настолько далеко, чтобы вместе с налогом отвергнуть и государство. Поэтому, как правило, свою задачу они видят лишь в том, чтобы призвать государство к облегчению «налогового бремени», к замене тяжелого «ярма» каким-нибудь другим, полегче.

Но есть главная проблема, не имеющая решения в экономической теории. Заключается она в том, что институт налогообложения и институт собственности — это два взаимно исключаящие и вместе с тем одновременно действующие в экономике институты. Налог и собственность — «две вещи несовместные». Вот этот факт не только издавна доказан, но и стоит у всех перед глазами. «Изъятие собственности помимо воли собственника», как бы абсурдна по содержанию ни была эта фраза, является законом. Но можно ли считать здоровой экономику, несущую в себе такое противоречие? Как его разрешить, как преодолеть эту «несовместность»? Чем-то поступиться? Так, Р. Пайпс отдает предпочтение собственности: «Права собственности снова должны занять подобающее им место на шкале ценностей, а не приноситься в жертву недостижимому идеалу социального равенства и всеобщего экономического благополучия» [12, с. 373]. Но очевидно, что, пока сохраняются налоги, все предложения такого рода остаются всего лишь паллиативом. В итоге в реальной хозяйственной практике царит налог.

Литературе, занятой обличением налогов, экономическая теория, наверное, должна быть благодарна за то, что в этой литературе всегда, с большей или меньшей экспрессией, формулируется названная проблема. Но критическая слабость этой литературы заключается в том, что она не находит ее решения. Не находит именно потому, что никто из ее авторов не отдает себе отчета в подлинной природе собственности.

Человечество возникло не на пустом месте. Природа создала его на прочном основании. Это основание – не сами люди, а отношения, в которых они пребывают друг с другом. В этих отношениях, во-первых, совершается воспроизводство индивидуального существования человека – создание и присвоение благ, необходимых для продолжения жизни. Создание этих благ есть труд, который имеет смысл лишь в том случае, если произведенные или добытые блага достаются тому, кто этот труд затратил. Если это условие признается всеми людьми, если в их отношениях оно становится законом, обязательным для каждого, то только в этом случае труд каждого определяется в своем назначении – служить источником витальных благ. Без исполнения этого условия труд теряет смысл, не может и совершаться. Люди не придумали себе правило: «Чтобы жить, надо трудиться». Оно продиктовано им их собственной природой. И точно так же продиктовано правило присвоения продукта своего труда. Отношения людей по поводу этого продукта есть отношения собственности. Отсюда становится понятно, что собственность – не изобретение человека, а коренное объективное условие воспроизводства его жизни.

Но в отношениях людей воспроизводится и их видовое существование. Воспроизводство существования вида *Homo sapiens* совершается в отношениях половозрастных. Они тоже, как и «производственные отношения», не выдуманы людьми, а даны им природой. Природой диктуются и правила этих отношений, правила союза мужчин и женщин, обеспечивающего продолжение человеческого рода и именуемого *семьей*. В этом смысле семья – это не «ячейка общества», а наименование того порядка отношений разных по возрасту и полу людей, того общего для всех и непреложного закона, при исполнении которого только и возможно существование общества. Иными словами, это сила, превращающая множество разрозненных разновозрастных и разнополых людей в единый организм. Прав был П. Прудон, ставя семью выше государства: «Без брака и семьи нет общества, нет справедливости: господствует эгоизм, междоусобная война, разбой» [15, с. 281].

Таким образом, собственность и семья – вот объективные основания воспроизводства индивидуального и видового существования человечества, вот базис общества – настоящий, природный, неписанный, – та твердь, на которой зиждется вся остальная конструкция и общественной, и частной жизни людей, и которая от их воли, сознания, желаний ни в малейшей мере не зависит.

Но от людей зависит умение сознавать требования материальных отношений и готовность следовать им. Человечество еще слишком молодо,

чтобы отдавать себе отчет о себе самом. Отсюда и иллюзия, будто оно может устраивать свою жизнь по правилам, придумываемым ими самими, хотя бы эти правила и расходились с естественными правилами их жизни. Отсюда и девиантные формы половозрастных отношений, известные на протяжении всей истории человечества, признаваемые обществом не только допустимыми, но и нормальными. В наши дни эта девиация определилась в качестве института ЛГБТ, сделавшегося в ряде стран вполне легитимным, защищенным законом движением, а в некоторых получившим и благословение церкви. Подобна ей и девиация собственности в форме иллюзорного «института собственности», допускающего налогообложение. Этот «институт» тоже и узаконен, и освящен церковью. Более того, ему подчинены экономики всех стран. Но от этого он не становится чем-то иным по своей конституции, своему природному статусу, нежели институт ЛГБТ, а остается таким же искусственным, надуманным, противоестественным образованием.

Оба эти института обречены. Не потому, что они кого-то возмущают, что кто-то требует их упразднения, а просто потому, что их существование противоречит базовым отношениям, объективно, помимо воли людей управляющим воспроизводством общества во всех формах его бытия. Человечество взрослеет под присмотром этих двух стражей его эволюции – Семьи и Собственности. Эти стражи всегда исправят его ошибки, хотя и не могут уберечь его от их совершения.

В этом и заключается решение указанной проблемы. Отсюда понятна и задача, стоящая перед экономической теорией. Она - в осознании неотвратимости отмирания налогов, а вместе с ними и государственной власти, в теоретическом осмыслении масштаба грядущих перемен и подготовки к ним за счет поиска и разработки модели финансирования государства без нарушения закона собственности. Это задача теоретической экономики. Прикладные исследования в различных отраслях экономической науки необходимы для разработки актуальных планов и программ развития. Но задача фундаментальной теории – ее главная задача – состоит в том, чтобы указать цель этого развития, увидеть и показать обществу то будущее, достижение которого наполнит смыслом и явится оправданием всех текущих затрат сил на реализацию прикладных программ.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 13.
2. Маркс К. О Прудоне. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 16.
3. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23.
4. Мерцалов В. Л. «Собственность (Образ будущего)» // Журнал философских исследований, т. 6, № 4, Инфра-М, 2020 г.]
5. Эпштейн Р. Выручка. Кембридж, Массачусетс, 1985
6. Ленин В.И. Государство и революция. // ПСС, т. 33. М.: «Политиздат», 1969.

7. Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. М.: «Интермедиатор», 2018.
8. Jean-Paul Gagnon (2018). 2,234 Descriptions of Democracy. *Democratic Theory*, 2018, 5 (1). Pp. 92-113.
9. Толстой Л. Н. Письмо Н. Страхову, 5 сентября 1878 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 62. Письма 1873–1879 Государственное издательство художественной литературы, 1953.
10. Экклесиаст 1.9. Библия. М.: Московская патриархия, 1988.
11. Гераклит. Антология мировой философии. В четырех томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч.1. М.: «Мысль», 1969.
12. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.; «Московская школа политических исследований», 2000.
13. Ротбард М. Оппенгеймер «Государство». Анатомия государства. М.: «RUSTATE.ORG», 2019.
14. Ходоров Ф. Налог: корень зла. М.: «RUSTATE.ORG», 2019.
15. Прудон П. Что такое собственность? М.: «Республика», 1998.